

ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УРО РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
СЫКТЫВКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КОМИ КРАЯ
И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ**

Том II

Филология. Этнология.

k 1267509

Сыктывкар 1996

О.В.Ведерникова

Сыктывкар

ОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ В КОМИ ФОЛЬКЛОРЕ

Принятие христианства - одна из главных проблем в истории национальных культур. Для народа коми культурное значение христианизации бесспорно и многообразно. Ее осмысление берет свое начало в фольклоре, в поэтических формах которого нашло отражение это историческое событие.

Коми национальная культура существует без малого две тысячи лет. "По данным археологии, во второй половине I тыс.н.э. уже произошло культурно-этнографическое разделение не только працермской, но и пракоми общности."¹ И.А.Куратов, обращаясь к прошлому коми, в одной из своих статей с долей горечи отмечал: "Мы не знаем, что значит слово Пермь, как не знаем истории Перми до половины XIV века."² Сегодня, оглянувшись на пройденный путь, мы можем утверждать, что коми культура, насыщенная прошедшими веками, не погибла безвозвратно, оставила свой след в материальных и духовных памятниках, открытых наукой и описанных в научных трудах³. Из двух тысячи лет первые 13 веков принадлежат периоду становления и функционирования древней языческой культуры, породившей тенденции к самоопределению(язык, хозяйственную и общественную организацию жизни) и такие духовные пласти, как коми мифология, тотемизм, анимизм, устное творчество , уникальное изобразительное искусство пермского звериного стиля. В XIV-XV вв. на смену язычеству приходит христианство, определив поворот к новым явлениям национальной жизни, очертив путь к просвещению язычников. Креститель зырян Стефан Пермский стал первым человеком, заинтересовавшимся положением коми культурного мира и практически реализовавшим свой замысел придать духовной жизни пермян более цивилизованные формы, включив ее в сферу христианского влияния. Достижения миссионерской деятельности Стефана Пермского свое воплощение нашли в проповедях, открывавших новый взгляд на человека и взаимоотношения между людьми, в критике и разрушении зырянских языческих культов, в запрещении жертвоприношения, в переводах на коми язык богослужебных книг и организации школ для подготовки коми священнослужителей, в строительстве церквей и монастырей -

средоточий коми религиозной книжности и в иконописи с зырянскими атрибутами, в содействии закреплению Коми края в составе Московского государства. Главное духовное наследие первокрестителя пермян - коми письменность, претерпевшая в процессе своей эволюции взлеты и падения, стала стержнем духовной культуры коми в XIX-XX вв.

Начало в истории осмысления христианизации было положено в устном народном творчестве. Фольклорная интерпретация деяний Стефана Пермского - это первый опыт восприятия христианизации как нового явления в жизни зырян, воплотившийся в поэтической форме преданий о чуди и знахарях, кудесниках. Для освещения реально присшедшего в прошлом события наиболее пригодными оказались традиционные мотивы названных произведений народной прозы. Историческая основа в них проясняется с помощью введения в структуру традиционных мотивов нового элемента - образа исторической личности Стефана Пермского, а также дополнительных реалий: географических - указывается и называется место действия (населенный пункт, река и т.д.), религиозных и исторических - подчеркивается, что чудь являются язычниками и предками коми ("найо язычникъяс" - они язычники; "налъсь сернисоб комиыд гёгёрвооб" - язык чуди коми понимают); действия чуди мотивируются христианизацией.

Обратимся к анализу состава мотивов, образующих сюжеты преданий и использованных для изображения новой действительности. В преданиях о чуди следует выделить мотивы, отражающие факты неприятия новой веры коми язычниками: чудь, убегающая, не оказывающая сопротивления (чудь, настыпанная о грозящей христианизации, убегает в неизвестном направлении; чудь, прослышиав об опасности, намеренно лишает себя жизни, бросаясь в реку и т.д.); чудь, заживо погребенная (чудь с вещами спускается в яму, узнав о прибытии отряда Стефана, подрубает столбы, удерживающие крышу с земляной насыпью над ямой, и оказывается погребенной); чудь, устраивающая преграду на пути крестителя (чудь, не желая допустить к себе крестителя, перегораживает реку камнями; чудь, выставляет на крутом берегу рски дозор, подающий сигнал о появлении отряда Стефана Пермского); чудь, совершающая культовый обряд (чудь собирается в священном месте для действенного выражения почтения обожествленным идолам, березе). Мотив, связанный с гибелью чуди, занимая в структуре преданий центральное место - "Чудъяслён клад" (Чудской клад), "Весьяс да чудъяс" (Весь и чудь), начинная и завершающая сюжет - "Чудь йылысь" (О чуди), являясь финальной сценой - "Мича ичмонъ йылысь предание" (Предание о мича ичмоне), "Чудъ мыльк" (Чудской холм), "Нившера" (Нившера) , определяет тональность повествования. Следовательно, мотивы комбинируются таким образом, чтобы создать образ страдающей чуди, вызывающей сочувствие, и ситуации, передающие

драматизм положения: чудь осознанно обрекает себя на гибель. Трагизм образа усилен изображением идеального жизненного благополучия, обусловленного покровительством языческих кумиров и трудолюбием: чудь удачлива в делах, владеет золотом, мехами, оленями, урожайными землями и обширными угодьями. Вот пример подобной идеализации в форме вставного причтания:

А, куз лудö, югыд кöдöйö,
Илья кырïйö, джуджыд кребöдö,
Кар норысö да гырысь шыдöсö!

Aх, обширные луга, хлебцы из
ячневой муки,
Береговая круча Илья, высокая
крепость,
Городище у излучины реки да
крупнозернистая ячневая крупа!

Народные рассказчики, конкретизируя народные мотивы религиозными деталями, подчеркнуто отделяют себя как христиан от язычников - чуди, от того прошлого, которое ими поэтизируется, представляется идеальным и которое уходит в небытие в связи с христианизацией. Возможно, подобная идеализация имеет реальную почву. Древнее коми общество XIV века было неоднородно по своему социальному составу. Отдельную группу составляли патриархальные семьи, владевшие земельными и охотничими угодьями, обеспечивавшими материальный достаток. Следовательно, в преданиях такого рода нашли отражение восприятие христианизации как угрозы существующему и всеми принимаемому порядку, определявшему устойчивость языческого мира, идеализация язычества как прошлого, недооценка, непонимание созидающей роли христианства для коми.

Рассмотрим состав мотивов преданий, где в центре описываемых событий стоят два персонажа, выступающие как антагонисты, христианский миссионер Стефан Пермский и коми тун (шаман, колдун-знахарь). В структуре этих произведений сюжетообразующими являются мотивы, отражающие факт столкновения двух мировоззрений, воинствующего неприятия язычниками новой веры. Подобное противостояние отмечается и Епифанием Премудрым в "Житии Стефана Пермского": "Вначале Стефан много зла претерпел от неверных пермян: озлобление, ропот, брань, хулу, укоры, унижение, досаждение, поношение, пакости, а иногда и угрозы. Смертью угрожали ему, даже убить хотели, обступали его с двух сторон и кругом с дубинами и длинными палками, желая нанести ему смертельные удары."⁶ Кроме того, отдельная глава посвящена идеологическому поединку Стефана Пермского и Памы-сотника, верховного жреца пермян, называвших его правителем Пермской земли, побежденного, но не смирившегося. В народной интерпретации спор между первокрестителем и духовными наставниками (тунами) коми язычников переходит в открытое противоборство. При этом вместо тунов в роли непримиримых может быть изображена обозленная группа людей ("уна йöз чукöр"). Таким образом,

структура предания о колдунах-знахарях используется для создания образа Стефана Пермского как фольклорного героя, в котором сочетаются и традиционное, и конкретно-историческое, обусловленное свойствами реальной незаурядной личности. При этом туны выступают как защитники традиций язычества, символ древней культуры.

Характер и действия названных двух персонажей, наделенных сверхъестественными качествами, приобретают мифологическую окраску. Это влияние традиции, подкрепляемое обязательным присутствием в сюжете мотивов состязания и обладания магической силой. Креститель и тун состязаются в магических способностях, например, заговору туна противопоставляется более сильное заклинание Стёфана Пермского. Магическая сила слов и действий каждого из них воздействует на все. Стефан и тун умеют заговаривать сусло, воду, огонь, оба неуязвимы: их не берут ни стрелы, ни копья, ни топоры обычным способом, недоступность для поражения оружием реалистически объясняется лишь у Корт Айки (он весь железный). Тун с помощью заговора может остановить лодку, превратиться в большую сильную щуку, в большого медведя с широкой пастью. Стефан может плыть на камне по реке, как на лодке, ходить по воде, как по тверди, ослепить своих противников и вновь сделать их зрячими, он знает источник магической силы туна (например, банный веник, пространство между ногами), магический способ лишения жизни (ударить топором наотмашь, расслабить поясок). Необыкновенной силой обладает крест христианского проповедника: он способен разбить железную цепь, разогнать напущенный туном большой косяк рыб, умерить силу речных волн. По воле народной фантазии личность крестителя оказывается в одном типологическом ряду с тунами-магами, колдунами с той лишь разницей, что сила слов и действий, данная Стефану свыше, превышает сверхъестественные способности шаманов. Среди многих мотивов, раскрывающих разные стороны деятельности Стефана Пермского как христианского миссионера, главным в преданиях подобного типа является мотив конфликта крестителя с язычниками. К нему примыкают новые, начинающие или заканчивающие повествование: проповедник, продвигаясь со своим отрядом от деревни к деревне, проводит обряд крещения; креститель воздвигает церковь, монастырь; защищает зырян-христиан от преследования⁷. Центральный мотив может быть представлен в следующих вариантах: креститель наказывает разгами язычников, принявших христианство, но не прекращающих идолопоклончество и жертвоприношение; креститель свергает языческие божества (разрубает топором деревянные идолы, священные березы); креститель, прибегая к помощи своего отряда и зырян-христиан, расправляется с оплотом язычества - шаманами (обладая магическими способностями, убивает тунов топором, копьем, стрелами); креститель повергает своего противника-туна хитростью⁸.

Анализируемый конфликт приобретает реалистическую интерпретацию, соотносящуюся с подлинными событиями. В подтверждение вновь приводим строки из "Жития Стефана Пермского" Епифания Премудрого: "... идолы попрал, кумиры сокрушил ... топором их посек, и пламенем их пожег, и огнем их испепелил. Самолично Стефан по лесу ходил с учениками ... пока все кумирницы их не уничтожил."⁹ Из перечисленных выше мотивов народных преданий складывается картина внешней деятельности христианского миссионера, доступная для наблюдений и понимания зырян, динамичная настолько, насколько насыщенной была сама миссионерская работа. Это ежедневные проповеди среди "неверных", христианская служба, начатое строительство храмов, защитные функции. В народной памяти оставили свой след и факты насилия, глумления над языческими национальными святынями, образовавшие устойчивый мотив. Мотивы, связанные с действиями шаманов, имеют цель показать поражение язычества, а в сочетании с мотивом конфликта, выявляющего превосходство Стефана Пермского, - утвердить новое. Туны, пытаясь восстановить справедливость (вековые традиции, свою власть над другими), оказывают насильственное сопротивление (Кыска сжигает церковь, Мелейка нападает на крестителя с оружием убийства, Корт Айка перегораживает реку железной цепью и нападает на крестителя с топором и т.п.)¹⁰, утрачивают свою магическую силу и погибают. Образы тунов по-своему также трагичны: прототипы этих персонажей были исторически обречены на гибель.

Итак, в преданиях о Стефане Пермском народ воплотил свое восприятие конкретной исторической личности и связанной с ним христианизации. Осознавая незаурядные качества Стефана как миссионера, народные интерпретаторы прибегли к традиционным народным средствам идеализации, создав образ, соотносящийся с идеальным героем языческого общества (лицо, обретающее власть, наделяется сверхъестественной силой). Осмысление разносторонней деятельности Стефана обретает признание его как носителя нового, нашедшее выражение в реалистических изменениях традиционных и в появлении новых мотивов, основанных на действительных фактах, и критику (мотив святотатства).

С темой христианизации связаны и такие формы народного эпоса, как предание о Пере-богатыре и эпические песни о коми-зырянских богатырях Педоре Кироне и Кирияне-Варьяне. Образы этих богатырей - результат осмыслиения народом центрального события христианизации - вхождения Перми Вычегодской во главе с епископом Стефаном Пермским в состав Московской Руси, являвшегося действительной и конечной целью миссионерской деятельности в Коми крае. Пера, Педор Кирон, Кириян-Варьян изображены, с одной стороны, как "Роч му кутысь", "Роч му крепитель" (Земли русской держатели, Земли русской крепитель), с

другой стороны, в их облике выделяются нежелание оказаться в зависимости от князя, предлагающего дорого заплатить за добытую в тяжелом бою победу, стремление к полной свободе, символом которой предстают леса, реки, воздух родной земли коми. Таким образом, народ сразу же отозвался на важное в его судьбе событие и вполне определенно выразил свой взгляд на те условия, при которых возможно присоединение, определив тем самым пределы зависимости и свободы.

Итак, народное устное творчество коми аккумулировало немалый опыт духовного осмысления христианизации. А поскольку фольклор - это основа для самоопределения литературы, то, естественно, традиции нашли свое продолжение и развитие в творчестве коми писателей: идеализация язычества - в поэме К.Жакова "Биармия", превосходство христианства, слабость язычества перед христианством - в сказках М.Лебедева "Яг Морт", "Кöрт Айка", "Последние дни Перми Великой"¹¹, в философской драме И.А.Куратова "Пама"¹², угроза потери национальной самобытности - в произведениях К.Жакова "Царь Кор", "Бегство северных богов" и В.Чисталева "Изкар"¹³.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- ¹Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. - Сыктывкар, 1990. -С.30.
- ²Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь. -Сыктывкар, 1988. -С.37.
- ³См.: Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. -М., 1975; Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. -Сыктывкар, 1990; Традиционная культура народа коми: Этнографические очерки. - Сыктывкар, 1994.
- ⁴Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г.Рочев. -Сыктывкар, 1984. - С.18,21.
- ⁵Там же. -С.18-25.
- ⁶Премудрый Е. Житие Стефана Пермского / Пер. с древнерусского Г.И.Тираспольского. -Сыктывкар, 1993. -С.33.
- ⁷Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г.Рочев. -Сыктывкар, 1984. - С.21,25,29.
- ⁸Там же. -С.33,25,30.; "Йёлёга" // 1993. №№ 23,34,24,18,17.
- ⁹Премудрый Е. Житие Стефана Пермского / Пер. с древнерусского Г.И.Тираспольского. -Сыктывкар, 1993. -С.51.
- ¹⁰"Йёлёга" // 1993. №№ 17,18,24,34,23.
- ¹¹Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. -Сыктывкар, 1961. -С.48-50.
- ¹²Латышева В.А. О драме И.Куратова "Пама" // Куратовские чтения. - Т.2. -Сыктывкар, 1976. -С.80-86.
- ¹³Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. -Сыктывкар, 1961. -С.87-88.